

Сжавшись в комок, опустив голову, Красный Гребень прижался к плечу Е Цзинжуна. В его круглых глазах читались отчаяние и страдание. Он чувствовал, что достоинство священной птицы было растоптано, и теперь вся его сущность погрузилась в глубокую меланхолию, которую никак не удавалось развеять.

Как говорится, попасть в княжескую резиденцию — всё равно что оказаться в глубоком море, где моральные принципы становятся чужими. Красный Гребень терпеливо сносил всё и, наконец, спустя три дня, сумел вырваться на свободу.

Служанки бережно несли птицу в руках, возвращая её во дворец Фэнъи. Лю Юньянь, увидев полуживого, облысевшего попугая с поникшей головой и полузакрытыми глазами, почувствовала, как у неё потемнело в глазах. Сердце её сжалось, и дыхание стало прерывистым.

— Что произошло? — спросила она, прижимая руку к груди. Её глаза широко раскрылись от изумления.

— Ваше Высочество, князь сказал, что эта птица слишком глупа. Она не может произнести ни одного слова, чтобы угодить господину Е, и он потерял терпение, поэтому... — служанка опустила взгляд, съёжившись. Её голос дрожал от страха.

Князь бросил птицу ей и сбежал. Как она теперь должна отчитаться перед госпожой?

Хотя слова были не до конца понятны, Лю Юньянь уловила скрытый смысл, и это только усилило её гнев.

Что значит «потому»? Этот негодяй вырвал красивые перья с головы моего любимца? Что это за причина? Если он хочет угодить Е, пусть делает это сам, зачем заставлять моего Красного Гребня?

— Господин Е — воплощение изящества, господин Е — непревзойдённый! — вдруг, словно в последнем порыве, Красный Гребень пронзительно закричал эти слова, а затем его голова беспомощно упала, и из клюва потекла пена.

Лю Юньянь была в ужасе. Забыв о гневе, она тут же приказала служанке вызвать императорского лекаря Вана из Императорской лечебницы.

Тем временем во дворце Фэнъи царил хаос, а Мин Янь, возвращаясь домой верхом, был в прекрасном настроении.

Эта шумная и глупая птица больше не была нужна. Три дня назад он отправил письмо в Западный край, прося у тамошнего правителя семь говорящих попугаев, и тот уже согласился. Через несколько дней они будут доставлены в княжескую резиденцию!

Цзинжун в последние дни был в хорошем настроении, он стал более открытым, и Мин Янь искренне радовался этому. Теперь, когда праздничный банкет закончился, пришло время отвезти Цзинжуна в резиденцию Е. Надо сказать, что он, как нерадивый зять, ещё ни разу не навещал мать своей супруги.

Отец Цзинжуна занимал должность пятого ранга, он был чиновником по имени Сыма. На праздничном банкете гражданские чиновники были приглашены только третьего ранга, а военные — четвёртого, так что Мин Янь не имел возможности увидеть «величественный облик» господина Е.

Хотя среди чиновников пятого ранга Сыма считался довольно значимой должностью, отец Цзинжуна был человеком посредственных способностей. За все годы службы он так и не поднялся выше, занимая лишь номинальную должность.

Кроме того, Мин Янь уже выяснил, что господин Е, хоть и не отличался особыми талантами, обладал вспыльчивым характером. Когда он злился на работе, то вымещал свою злость на жене и детях дома. Однако у главной жены в семье Е был влиятельный род, и она отличалась сварливым нравом, поэтому Е Хэн не смел срывать на ней, а вымещал свой гнев на других наложницах, включая мать Цзинжуна.

Неудивительно, что в те годы, когда Цзинжун был спутником принца, Мин Янь не обращал на него внимания. В то время его Цзинжун был не таким, как сейчас — дерзким и независимым, а скорее робким и замкнутым, как маленькая мышка. Из-за своей неуверенности он скрывал свои чувства и предпочтения глубоко в сердце. Вспоминая об этом, Мин Янь чувствовал, как сердце его сжимается.

В те годы Мин Янь был своевольным и непокорным, его внимание привлекали лишь новые и необычные вещи, и он не обращал внимания на неприметные уголки.

Казалось бы, их пути никогда не должны были пересечься, но, вопреки всему, они переплелись. В этом превращении невозможного в возможное Мин Янь не приложил никаких усилий, а всю тяжёлую работу, всю жертвенность и преданность проявил его Цзинжун! Мин Янь не знал, что именно сделал для него Е Цзинжун, и даже если бы он спросил об этом напрямую, Цзинжун вряд ли бы всё честно рассказал. Всё, что он мог сделать, это восполнить утраченное, посвятить оставшиеся десятилетия своей жизни тому, чтобы возместить те десять лет, которые он пропустил в жизни Цзинжуна!

Эта поездка в резиденцию Е, хоть и называлась визитом к родственникам, на самом деле была для Мин Яня возможностью поддержать Е Цзинжуна. Все обиды, которые его Цзинжун терпел в резиденции Е в прошлые годы, он собирался вернуть с лихвой!

— Цзинжун, я вернулся! — распахнув дверь, Мин Янь ворвался в комнату, даже не предупредив.

Однако войдя в спальню, он увидел, как Е Цзинжун, с испуганным лицом, поспешно что-то спрятал под одеяло, а затем, выровняв выражение лица, спокойно подошёл к нему.

Мин Янь прищурился, взгляд его скользнул по слегка приподнятому одеялу и явно смущённому Е Цзинжуну. Его улыбка мгновенно исчезла.

— Цзинжун, что ты делаешь? — его голос стал холодным, и это было полной противоположностью тому пылкому Мин Яню, который только что ворвался в комнату. Он не мог понять, что Е Цзинжун мог скрывать от него.

— Князь, я... — Е Цзинжун открыл рот, чтобы объяснить, но слова застряли на губах, и он с трудом проглотил их. Его нерешительность говорила не о намеренном утаивании, а о том, что ему было трудно говорить об этом.

Мин Янь, наблюдая за этим, поднял бровь, а затем снова улыбнулся, подошёл ближе и, повернув Е Цзинжуна за плечи, заставил его смотреть на себя лицом к лицу.

— Цзинжун, я сегодня планировал отвезти тебя в резиденцию Е, чтобы навестить родных, но, судя по всему, у тебя есть какие-то заботы. Может, отложим это на потом?

Перед другими Мин Янь был холодным и неприступным, как ледяной владыка, но перед Е Цзинжуном он мог быть то ласковым, как огромный пёс, то хитрым, как лиса. И вот он снова, беззастенчиво подстраивая ловушку, заставлял Е Цзинжуна признаться, что же он спрятал.

Услышав это, Е Цзинжун инстинктивно сжал рукава, и после долгих раздумий его лицо выразило покорность.

Три года он не был дома, и его желание вернуться можно было сравнить с полётом стрелы. А этот человек использовал это против него? Это было просто возмутительно.

Но Е Цзинжун понимал, что с таким властным характером, как у Мин Яня, скрывать что-то от него, особенно у него на глазах, было практически невозможно. Поэтому, пока у него ещё было терпение, лучше было всё рассказать.

С лёгким вздохом Е Цзинжун поднял глаза и с укором посмотрел на Мин Яня, затем повернулся и вытащил то, что спрятал под одеялом.

С решительным видом он сунул это в руку Мин Яня, а затем фыркнул и отвернулся, не говоря ни слова, словно дулся.

О? Он ещё и дуется? Скрывает что-то от меня, а потом ещё и дуется?

Совсем избаловал его. Посмотри, до чего он дошёл! Подожди, когда я проверю, что это за вещь, я обязательно восстановлю порядок в доме!

Мин Янь думал об этом с негодованием, а затем взглянул на то, что держал в руке. Это была небольшая корзинка, внутри которой лежали нитки и ткань.

Это... вышивка? Женская работа?

Поняв это, сердце Мин Яня сжалось, словно от укола иглы. Он вспомнил прошлую жизнь, когда на заставе Юймэнь, среди песков, умирающий Цзинжун подарил ему ароматическое саше с альбицией.

Сжав корзинку в руке, Мин Янь подошёл и молча взял руку Е Цзинжуна, внимательно осмотрев её. К его удивлению, на пальцах не было никаких заметных ран.

Е Цзинжун сначала чувствовал себя уверенно, но, увидев выражение лица Мин Яня, сердце его сжалось, и лицо смягчилось.

— Князь, ты... думаешь, что Цзинжун не похож на мужчину? Если тебе это не нравится, я больше не буду трогать эти вещи! — с этими словами он протянул руку, чтобы забрать корзинку и уничтожить её содержимое.